

ОТЗЫВ

оппонента на диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.06 – Археология Владимирова С.И. на тему «Вооружение и военное дело населения Доно-Донецкой лесостепи во второй половине VIII – начале X вв. (салтово-маяцкая культура)».

Актуальность темы, выбранной С.И.Владимировым в качестве диссертационного исследования, определяется, прежде всего, первой частью ее названия: «**Вооружение** и военное дело населения Доно-Донецкой лесостепи во второй половине VIII – начале X вв. (салтово-маяцкая культура)». Она подразумевает (и определяет) источниковедческий характер исследования в целом, что в условиях современного развития отечественной и зарубежной археологии становится особенно актуальным. Сейчас уже очевидно, что современная археология развивается в контексте постмодернистской метаархеологии, методологической парадигмой которой является приоритет субъекта исследования над его объектом. Практически это выражается в появлении многочисленных археологических дискурсов, методической основой которых выступают не эмпирика, а пространные рассуждения «по теме». В этом плане поставленная соискателем цель его исследования – обобщение, анализ и интерпретация материалов по вооружению и военному делу населения Доно-Донецкой лесостепи второй половины VIII – начала X вв. – и задачи, обозначенные для ее достижения – типология и хронологизация предметов вооружения салтово-маяцкой культуры – сформулированы в лучших традициях позитивистско-процессуальной археологии и могут только приветствоваться.

Структура диссертации С.И.Владимирова вполне традиционна, а потому логична. Она состоит из «Введения», в котором автор обосновывает актуальность выбранной темы исследования (она очевидна, а потому возражений не вызывает), формулирует цели и задачи своего исследования (они логичны и понятны); источниковедческо-историографической первой

главы («Источники и историография»); аналитической второй главы («Типология и хронология предметов вооружения населения Доно-Донецкой лесостепи во второй половине VIII – начале X вв.»); интерпретационной третьей главы («Социальная структура и состав войска населения Доно-Донецкой лесостепи во второй половине VIII – начале X вв.») и «Заключения», в котором подводятся итоги исследования. То есть, с точки зрения научного источниковедения, структура исследования вполне продумана автором.

В §1 главы 1 «Археологические источники» приводятся сведения о могильниках салтово-маяцкой культуры, содержащих комплексы вооружения. По данным, приведенным в таблице 1а, в 27 исследованных могильников (в общей сложности \approx 2606 погребений) выявлены 233 комплекса вооружения, что составляет около 9% от всех погребений салтово-маяцкой культуры. И, с учетом общего количества исследованных салтово-маяцких погребений, создается впечатление, что эти цифры вполне могут быть аутентичными реальному удельному весу воинского контингента внутри хазарского общества.

В §2 – «Письменные источники» - самом небольшом в рассматриваемой главе исследования С.И.Владимирова – автор, на мой взгляд, просто отдает дань источниковедческой традиции, издавна бытующей в отечественной археологии: подкреплять археологическую эмпирику ссылками на нарративы. В данном случае это оказывается бесперспективным. Фактически все средневековые нарративисты, упомянутые в диссертации, ничего о вооружении и организации хазарского (салтово-маяцкого) войска не сообщают. Ибн-Фадлан только упоминает о том, что у царя хазар есть войско; Ибн-Русте – что войска хазарского царя выступают в поход «в полном вооружении, со знаменами и копьями, одетые в прочные брони» и что конное царское войско состоит из 10 000 всадников; Ал-Масуди – что хазарское войско находится на жаловании у царя; Константин

Багрянородный – что с хазарами можно и нужно воевать руками печенегов («пачинакитов») и т.п. То есть, средневековые нарративисты никакого описания ни вооружения, ни тактики боя хазарского войска не дают. Поэтому отмеченная диссертантом «высокая ценность» средневековых письменных источников для исследуемой им темы – не более чем дань традиции, а вот его же призыв быть осторожными в экстраполяции результатов наблюдений средневековых авторов за хазарским войском (т.е. отсутствием таковых результатов) на все население Хазарии (с.31-32) можно и нужно усилить до утверждения о том, что использование письменных источников для истории вооружения и военного дела хазар (в данном случае – салтово-маяцкой культуры) бесперспективно в принципе.

Историография проблемы подробно рассмотрена С.И.Владимировым в §2 рассматриваемой главы его исследования. Не возникает ни малейшего сомнения в том, что автор досконально изучил историографию проблемы, начиная с самых первых работ 1930-х – 1940-х гг.: М.И.Артамонова, Н.Я.Мерперта. Совершенно справедливо и заслуженно должное внимание уделено им работам С.А.Плетневой, посвященным оружиюведению и социальным реконструкциям салтово-маяцкой культуры.

Однако при всех достоинствах приведенной автором историографии у нее есть и недостаток: это – ее аннотационный характер. Хотя в данном случае и сама историография, и приведенная автором динамика интерпретации результатов анализа источников по салтово-маяцкому оружиюведению в течение более чем векового изучения этой культуры предполагают применение критического дискурс-анализа работ предшественников. Едва ли можно сомневаться в том, что все исследования, и наши, и наших предшественников – суть археологические (или историко-археологические) дискурсы, представляющие собой тексты, посредством которых исследователь демонстрирует свое поэтапное движение от эмпирики к созданию нового знания. Действия, которые он при этом производит,

определяются многими факторами, в том числе, информационными, социально-политическими и идеологическими, характерными для того временного пространства, в котором живет и творит (жил и творил) автор-дискурсант. Что, соответственно, влияет и на содержание полученных выводов.

Наглядный пример – монография М.И.Артамонова «История хазар», номинированная С.И.Владимировым как настольная книга для учёных, занимающихся изучением истории народов и государств восточноевропейской степи I тыс. н.э. (с.35). Действительно, монография М.И.Артамонова – классический пример исторического (но никак не археологического) дискурса, в котором проблема вооружения и военного дела хазар не затронута вообще никак по вполне понятной причине – отсутствие в то время надлежащей источниковой базы. Поэтому, как отмечает и сам автор диссертации, кроме как разнообразных и не поддающихся проверке сведений о численности хазарского войска, мы у М.И.Артамонова более ничего не находим.

Панегирически оценивает диссертант и статью Н.Я.Мерперта 1955 г., посвященную истории оружия Восточной Европы. В духе того времени (борьба с космополитизмом) автор статьи доказывал местное, восточноевропейское происхождение сабель, выводя их из позднесарматских мечей. Хотя сейчас (а возможно уже и тогда) ясно, что без стремян сабля, как оружие всадника, не эффективна, а стремяна, как известно, в Восточную Европу были привнесены из Центральной Азии.

Вообще из приведенного С.И.Владимировым историографического обзора складывается впечатление, что комплекс салтовского оружия, как объект археологического источниковедения, долгое время оставался на периферии внимания исследователей этой культуры. По-видимому, по причине своей малочисленности (как было отмечено выше, и сейчас погребения с оружием составляют только около 9% всех известных

салтовских захоронений). Поэтому и С.А.Плетнева в своей обобщающей книге 1967 г. в разделе, посвященном описанию вооружения «салтовцев», скромно отметила, что после работ предшественников – Н.Я.Мерперта, В.А.Арендта, С.В.Киселева, М.И.Артамонова, Г.Ф.Корзухиной – «любое описание салтовского оружия будет простой компиляцией». И хотя в своих последующих работах С.А.Плетнева неоднократно обращалась к теме салтовского оружия, но это делалось либо очень сжато (Плетнева, 1981), либо безотносительно к источниковедческому анализу всего комплекса вооружения носителей салтово-маяцкой культуры (Плетнева, 1989).

Таким образом, ремарка С.А.Плетневой в книге 1967 г. должна была бы, на мой взгляд, привлечь внимание С.И.Владимирова именно в плане критического дискурс-анализа работ предшественников. Как это, кстати, он и сделал, характеризуя пространную, но в большей степени научно-популярную статью А.В.Комара и О.В.Сухобокова, посвященную военному делу Хазарского каганата в целом (с.49-50).

Глава II рассматриваемого исследования «Типология и хронология предметов вооружения населения Доно-Донецкой лесостепи во второй половине VIII – начале X вв.» полностью источниковедческая и, по моему мнению, в диссертации С.В.Владимирова центральная. Если рассуждать объективно, то есть, отрешившись от «реверансов» в сторону предшественников, то данная глава рассматриваемой диссертации и есть первый в истории изучения салтово-маяцкой культуры развернутый источниковедческий анализ комплекса вооружения ее носителей.

Анализ предметов вооружения С.И.Владимиров проводит по их видовой принадлежности: клинковое оружие (сабли, мечи, кинжалы), топоры, кистени, наконечники копий и дистанционное оружие (наконечники стрел, детали колчана). Следуя источниковедческой традиции, автор проводит типологический анализ рассматриваемых видов вооружения. Обращаясь к саблям (их известно 40 экз.), автор предлагает типологизировать их по форме

перекрестия, как «более изменчивому элементу сабли в типологическом и хронологическом отношении по сравнению с кривизной и длиной лезвия...» (с.60). Типы перекрестий выделены им по общей форме и форме окончаний, всего их шесть, объединенных в три отдела (это так сказано автором на с.60). Ниже в тексте диссертации следует описание отделов и типов, из которого следует, что типов сабельных перекрестий С.И.Владимиров выделил все-таки семь: отдел I – три типа; отдел II – два типа и отдел III – также два типа.

На основании собранных им количественных показателей встречаемости типов перекрестий автор делает вывод о преимущественном распространении у рассматриваемого населения сабельных перекрестий с фигурными концами – шар или трилистник (отдел II) и о существовании различных традиций в изготовлении перекрестий у носителей катакомбного и кремационного обрядов погребения (с.62). Возразить против данного заключения трудно: из таблицы на рис. 5 действительно следует, что брусковидные перекрестия прямоугольной формы (тип III.1) встречены только в катакомбных погребениях, а перекрестия с шаровидными концами (тип II.1) преобладают в кремационных погребениях (8 из 16-ти найденных в этих погребениях перекрестий).

На основании статистики встречаемости клинкового оружия с деталями конской сбруи С.И.Владимиров делает вполне логичный вывод о том, что это оружие – всадническое. Однако далее следует не совсем понятный пассаж: «Однако, для погребений, совершённых по различным обрядам, процент взаимовстречаемости клинкового оружия и конской упряжи будет различным. Самым низким он является для катакомбных погребений – всего 29%. Для кремационных и ямных погребений этот показатель значительно выше – 94% и 75% соответственно. В связи с этим считаем возможным предположить использование клинкового оружия, в том числе и сабель, пешими воинами применительно к носителям катакомбного обряда погребения...» (с.65). В принципе, конечно, использование сабли пешими

воинами вполне допустимо (хотя эффективность сабли в руках пехотинца будет реальна только в случае фехтования), но откуда взялся такой показатель, как 75% взаимовстречаемости клинкового оружия и конской сбруи в ямных погребениях, если там найдены всего лишь две сабли (табл. на рис.5)?

Резюмируя описание салтовских сабель, С.И.Владимиров делает вывод о том, что сабли имели широкую распространенность в среде изучаемого населения и были одинаково популярны среди носителей различных погребальных обрядов (с.69). В контексте археологического дискурса этот вывод звучит весомо. В контексте процессуального источниковедческого анализа он должен восприниматься критически. Дело в том, что в рассматриваемой главе диссертации недостает одной существенной иллюстрации – таблицы суммарной характеристики распространения видов вооружения в погребениях салтово-маяцкой культуры. Составленная по данным, приведенным автором в первой главе его исследования, подобная таблица показывает, что погребения с саблями составляют 16,4% от всех погребений с оружием. То есть, из каждой виртуальной сотни салтовских воинов только шестеро могли быть вооружены саблями. Может ли это свидетельствовать о «широком распространении» клинкового оружия у «салтовцев»? Этот вопрос я оставляю открытым.

Подробно С.И.Владимиров рассматривает топоры – наиболее часто встречаемый в салтовских погребениях вид оружия (73,7% от всех погребений с оружием). Статистическая выборка, которой оперирует исследователь, состоит из 183 экземпляров топоров. По функциональному назначению они разделены на две группы – боевые и хозяйственные, на отделы по строению лезвия, на типы по форме обуха и подтипы по наличию наклона обуха к топоричу (с.73). Думается, что в данном случае деление топоров на группы условное и не связанное с профессиональной принадлежностью индивида – в бою мог использоваться топор любого типа.

В.Ф.Генингом и его коллегами Е. П. Бунятян, С. Ж. Пустоваловым и Н. А. Рычковым, в 1980-е гг. была разработана таблица соответствия нижнего уровня процентного показателя и минимального объема выборки (при четырех степенях вероятности) для оценки удельного веса того или иного признака в анализируемой группе археологических артефактов (Генинг и др. 1990). Для выборки топоров, которой оперирует С.И.Владимиров, нижний порог значимости (при степени вероятности 0,95) будет равен 2%. В итоге мы получаем следующую картину: топоры отдела III – с двумя подпроушными выемками – в общей сложности встреченные в 3,2% салтовских погребений с оружием – характерными для салтовской «паноплии» не являются. И их широкое распространение по территории Восточной Европы (С.И.Владимиров находит им аналогии на Северном Кавказе, в Предуралье, Поволжье и на Руси) (с.78) является дополнительным свидетельством в пользу их случайного появления в составе салтовского вооружения. Собственно салтовскими могут считаться топоры отдела I, типа 2б и топоры отдела II. В общей сложности они составляют 57,5% всего арсенала этого вида оружия. И тот факт, что аналогии им известны, в первую очередь, в Предкавказье, а также у финно-угорских племен Урало-Поволжья (здесь очень кстати была бы географическая статистика этих аналогий) определенно указывает на наличие каких-то (каких?) связей среднедонских «салтовцев» с населением этих территорий. Сам автор склонен связывать «распространение рассматриваемых топоров с переселением групп носителей катакомбного и кремационного обрядов погребения с территории Предкавказья в лесостепное Подонье». (с.79). Это логично. И, очевидно, столь же логично предположить, что донские «салтовцы» могли выступать в роли своеобразного транслятора некоторых типов вооружения в более северные районы.

Один из основных вопросов, решаемых автором по ходу анализа топоров, как вида вооружения, является вопрос об их использовании

всадниками. Общий вывод исследователя – топоры являлись оружием всадника. Но этот совершенно верный вывод подается в виде пространного и стилистически сложного дискурса (с.82-83). В то же время составленная С.И.Владимировым таблица встречаемости топоров с элементами конской сбруи (погребения всадников) совершенно четко указывает, что конская сбруя в том или ином виде представлена в 24,2% погребений с топорами, что не менее четко свидетельствует в пользу вывода автора (табл.5).

Аналогичным образом можно проанализировать наконечники копий (59 экз., что дает нижний порог значимости 7% при критерии значимости = 0,95). Полученные результаты показывают, что копейный арсенал «салтовцев» состоял преимущественно из наконечников отдела I типа 1 (пики ромбического сечения) – 57,6% всех копий и наконечников отдела II типа 1 (двухлопастные) – 10,1%. Сам автор об этом пишет так: «Распределение наконечников по погребениям свидетельствует, что наиболее распространёнными были наконечники копий первого отдела, первого типа как в кремациях (18 экз.), так и в ямных погребениях (16 экз.) (табл. 7). Наконечники второго отдела чаще (7 экз.) встречены в погребениях по типу трупосожжения. Что касается отделов III и IV, то они достаточно малочисленны, чтобы на их основе делать какие-либо выводы...» (с.94). Возразить что-либо здесь не представляется возможным.

Аналогично и с наконечниками стрел (155 экз., нижний порог значимости 3%). Стрелковый арсенал «салтовцев» представлен в основном наконечниками отдела I, типы 1-3 (трехлопастные по сечению, треугольные, килевидные и остролистные, соответственно, по форме пера). Они составляют в общей сложности 80% всех салтовских стрел (33%, 37,4% и 9,6% соответственно). Все остальные отделы, типы и подтипы наконечников по частоте встречаемости стоят ниже значимого порога и в салтовских колчанах оказывались явно случайно.

Завершает рассматриваемую главу §3. «Хронология предметов вооружения». Датировку видов и типов вооружения С.И.Владимиров проводит традиционным и проверенным методом поиска датированных аналогий. И получает вполне ожидаемый результат – вторая половина VIII – начало X вв. Правда, автор указывает, что «использование аналогий и учёт погребальных комплексов с определённой датировкой, позволили **выявить периоды распространения тех или иных предметов вооружения** среди населения Доно-Донецкой лесостепи второй половины VIII – начала X вв. Также были установлены **датирующие возможности отдельных предметов**, относящихся к комплексу вооружения» (с.138). Однако, с последними двумя тезисами все не так просто. Следуя выводам своих предшественников, С.И.Владимиров выделяет две хронологические группы салтовских погребений Среднего Дона: вторая половина VIII в. (32 комплекса) и IX в. (22 комплекса) (табл. 11 и 12). В обеих этих группах встречаются топоры, причем, в равном количестве (21 экз. и 22 экз. соответственно (табл.13). Характерно, что и распределение топоров по отделам и типам внутри хронологических групп примерно одинаковое. Уже одно это заставляет с осторожностью относиться к «датирующим возможностям» топоров. Думается, что в данном вопросе большим методическим подспорьем автору явилась бы корреляционная статистика с помощью стандартных программ Excel или SPSS. Результаты такой статистики дали бы более четкую картину тесноты условных связей топоров с хронологическими комплексами. То же самое можно сказать и о других видах и типах вооружения.

В контексте темы диссертации большая и скрупулезная источниковедческая работа была проделана автором для того, чтобы синтезировать ее результаты в виде исторических интерпретаций и реконструкций, представленных в главе III «Социальная структура и состав войска населения Доно-Донецкой лесостепи во второй половине VIII –

начале X вв.». Глава разбита на два параграфа: §1. Социальная структура войска и §2. Состав войска и тактика ведения боя. Названия параграфов заведомо предполагают комплексное использование данных археологии и средневековых нарративов.

После пространного историографического обзора проблемы социальной реконструкции носителей салтово-маяцкой культуры автор излагает суть методики, с помощью которой он проводит свою реконструкцию (многомерный статистический анализ, разработанный Г.Е.Афанасьевым). Суть его сводится к следующему: отбор воинских погребений для последующего анализа (что и сделано С.И.Владимировым в предшествующей главе его исследования); отбор признаков, соответствующих тем категориям вооружения, которые могли бы служить показателями социального статуса погребённых (здесь жесткие требования объективности от исследователя уже теряют смысл, поскольку статусность того или иного артефакта каждый из нас определяет, исходя из собственной логики, а никто не может гарантировать, что наша логика аутентична логике древних); многомерный статистический факторный и кластерный анализ отобранных признаков.

Через все содержание диссертации С.И.Владимирова «красной нитью» проходит тезис о трехкомпонентности погребального обряда носителей салтовской культуры Среднего Дона: захоронения катакомбные, ямные и кремация. Именно в этом контексте автор и проводит свою социальную реконструкцию. На первый взгляд может показаться, что сравниваться будут несравнимые объекты: они действительно неравнозначны ни по объему (174 катакомбы, 50 кремационных и 49 ямных комплексов), ни по семантике и морфологии признаков погребальной обрядности. Еще и различаются территориально (рис.1). Однако смысл и содержание факторного анализа и заключаются в том, чтобы описать изучаемый объект (в данном случае – типологически различающиеся группы салтово-маяцких погребений) через

систему признаков (в данном случае – предметов вооружения), обнаруживающих высокий коэффициент корреляции между собой. А кластерный анализ – это группировка объектов по количеству (или удельному весу) одних и тех же признаков.

Полученные С.И.Владимировым результаты вполне убедительны. В катакомбных погребениях выделяются группы (ранги) воинских, содержащие богатый ассортимент воинского снаряжения, включая и конскую сбрую (1-й кластер) и «бедные», содержащие только топор. Причем кластеры катакомбной группы фактически сливаются друг с другом (рис.32).

Более разнообразными выглядят кластеры группы кремации (там выделяются еще и подкластеры) (рис.34) и очень четко различаются кластеры ямных погребений (рис.36).

Основной вывод автора о двухчастной структуре салтовского войска вполне очевиден и не может быть оспорен. Таким образом, С.И.Владимиров своим исследованием лишний раз демонстрирует результативность методов статистического анализа в археологии.

Заключительный параграф III главы диссертации – это по сути итоговый дискурс-интерпретация результатов источниковедческого анализа археологического материала. С точки зрения методологии и методики научного дискурса содержание данного параграфа вполне соответствует их требованиям: установка на поиск истины; эмпиричность; методологичность, логичность, обоснованность, креативность и т.д. Так что в целом предлагаемые автором выводы относительно структуры и оснащения салтовского (читай – хазарского) войска оставляют впечатление вполне обоснованных, а потому приемлемых. Импонирует также и то, что в своих рассуждениях относительно вероятной тактики боя хазарского войска автор проявляет академическую сдержанность и, отдавая себе отчет в весьма незначительном информационном потенциале средневековых нарративов на сей счет, не злоупотребляет ссылками на средневековых авторов. Его

видение хазарской тактики базируется на видовой характеристике салтовского вооружения, функциональном назначении и структуре войска, реконструируемой на основании факторного анализа археологического материала.

Замечания, возникшие у меня в процессе знакомства с диссертацией, направлены отнюдь не против авторской концепции. Они носят рекомендательный характер и имеют цель обратить внимание автора на необходимость учета возможных источниковедческих нюансов в его будущей работе.

Текст диссертационного исследования С.И.Владимирова изложен четким академическим языком. Автор демонстрирует глубокое знание историографии исследуемой им проблемы. Он полностью владеет источниками и современными методами источниковедческого анализа.

Текст диссертации органично дополняется материалами «Приложения», состоящего из статистических и корреляционных таблиц, и альбомом графических иллюстраций. «Список использованных источников и литературы» состоит из списка архивных материалов (44 наименования), письменных источников (который, очевидно, следовало бы расширить за счет авторов, упоминавшихся в тексте диссертации), археологических коллекций, изученных автором и списка литературы из 272 наименований. Текст прилагаемого автореферата соответствует тексту диссертации, а само диссертационное исследование полностью отвечает требованиям, предъявляемым к диссертациям на соискание ученой степени кандидата исторических наук.

Диссертация Сергея Игоревича Владимирова «Вооружение и военное дело населения Доно-Донецкой лесостепи во второй половине VIII – начале X вв. (салтово-маяцкая культура)» соответствует требованиям, установленным п. 9 «Положения о порядке присуждения учёных степеней», утверждённого Постановлением Правительства Российской Федерации №842

24.09.2013 года, а её автор – С.И.Владимиров – вполне заслуживает присвоения ему ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.06 – Археология. В свете сказанного выше считаю необходимым просить Диссертационный совет Д 212.038.12, созданный на базе ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет» присвоить Владимирову Сергею Игоревичу искомую учёную степень кандидата исторических наук по специальности 07.00.06 – Археология.

Доктор исторических наук, профессор
кафедры Отечественной истории
Башкирского государственного
педагогического университета
им.М.Акмиллы, руководитель
лаборатории Археологического
источниковедения и историографии

E-mail: ivanov-sanuch@inbox.ru
Тел.: +7 927 3507981
Адрес: 450000, г.Уфа,
ул. Октябрьской революции, 3-а

В.А.Иванов-
02.10.2017 г.

В.А. Иванова
начальник отдела документационного обеспечения
ФГБОУ ВО «БГПУ им. М.Акмиллы» *Т.Фаттахова*